

В ПОСТЕЛИ
С
ВРАГОМ

HAL VAUGHAN

SLEEPING WITH
THE ENEMY
COCO CHANEL'S
SECRET WAR

ХЭЛ ВОН

В ПОСТЕЛИ
С ВРАГОМ
ТАЙНАЯ ВОЙНА
КОКО ШАНЕЛЬ

Перевод с английского

Александра Кабисова, Никиты Михайлина

издательство **астрель**

УДК 687(092)

ББК 85.126

В73

This translation is published by arrangement with ALFRED A. KNOPF, an imprint of THE KNOPF DOUBLEDAY PUBLISHING GROUP, a division of RANDOM HOUSE, INC.

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Издание осуществлено при техническом содействии ИЗДАТЕЛЬСТВА АСТ

Вон, Хэл.

В73 В постели с врагом. Тайная война Коко Шанель / ХЭЛ ВОН; пер. с англ. А. КАБISOVA, Н. МИХАЙЛИНА. — Москва : Астрель : CORPUS, 2012. — 480 с.

ISBN 978-5-271-45452-3 (ООО "Издательство Астрель")

Легендарная Габриэль (Коко) Шанель — фигура столь притягательная, а слухи и сплетни, по сей день окружающие ее жизнь, столь скандальны и загадочны, что биографы, кажется, готовы писать о ней вечно. Однако работа американского писателя-документалиста Хэла Вона ставит точку в главном вопросе, четко, подробно и доказательно объясняя, когда и каким образом осуществлялось пресловутое сотрудничество Шанель с нацистским режимом. Исследование это основано на материалах множества архивов во Франции, Германии, Италии, Польше, Великобритании и США, значительная часть которых до недавнего времени оставалась засекреченной.

Хэл Вон, родившийся в 1928 году, успел за свою долгую жизнь побывать журналистом, продюсером документальных фильмов, военным, дипломатом и разведчиком. Он служил в армии США во время Второй мировой и Корейской войн и неоднократно участвовал в секретных миссиях ЦРУ — неудивительно, что его творчество лишено романтического флера и построено на неоспоримых фактах. С беспощадной объективностью он превращает икону обратно в человека и заново создает портрет великой женщины: гениальной, расчетливой, щедрой, циничной, мило-сердной, непредсказуемой, в равной степени верной и вероломной.

УДК 687(092)

ББК 85.126

ISBN 978-5-271-45452-3 (ООО "Издательство Астрель")

© 2011 by Hal Vaughan

© R. Y. Horst; courtesy of Staley/Wise Gallery, фотография на обложке

© Н. Михайлин, перевод на русский язык, главы 1–5, 2012

© А. Кабисов, перевод на русский язык, главы 6–12, 2012

© А. Бондаренко, оформление, 2012

© ООО "Издательство Астрель", 2012

Издательство CORPUS ®

Оглавление

<i>Пролог</i>	11
ГЛАВА 1. Метаморфоза: Габриэль становится Коко	20
ГЛАВА 2. Запах женщины	31
ГЛАВА 3. Золотой герцог	73
ГЛАВА 4. Голливудский дивертисмент	117
ГЛАВА 5. Прощай, Поль; здравствуй, Шпатц	132
ГЛАВА 6. А потом пришла война	165
ГЛАВА 7. Париж оккупирован, Шанель — беженка	208
ГЛАВА 8. Динклагге встречается с Гитлером; Шанель становится агентом абвера	242
ГЛАВА 9. Шах и мат Вертхаймеров	256

ГЛАВА 10. По заданию Гимmlера	271
ГЛАВА 11. Везение Коко	309
ГЛАВА 12. Возвращение Коко	348
<i>Эпилор</i>	373
<i>Слова благодарности</i>	377
<i>Список иллюстраций</i>	380
<i>Примечания</i>	385
<i>Библиография</i>	439
<i>Именной указатель</i>	465

Книга посвящается тем французам
и француженкам, которые, несмотря
на нацистское иго, не стали
коллаборационистами.
А также, как всегда, — Фуонг

*Твой рассказ
Я жажду слышать: верно, увлечет он
Наш слух.*
ШЕКСПИР, “Буря”¹

1 Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.

Пролог

Звезда ее не меркнет с годами, она — единственный до сих пор действующий вулкан во всей Оверни... самая блестящая, самая пылкая, самая великолепная и невыносимая женщина всех времен.

Не успела Габриэль Шанель упокоиться в дизайнерском склепе на кладбище швейцарской Лозанны, как из Парижа пришли вести о том, что первая леди Франции (жена президента Жоржа Помпиду и большая поклонница Шанель) готовит к открытию в октябре 1972 года официальную выставку, посвященную жизни и творчеству Шанель во французской столице. Незадолго до этого легендарная Геба Дорси, редактор раздела моды в *International Herald Tribune*, сообщила, что “мероприятие в честь Шанель”, вероятно, отменят совсем или, по меньшей мере, перенесут на неопределенный срок. По ее словам, издатель журнала *Paris Match* Пьер Галант готовил к публикации шокирующие материалы из архивов французской контрразведки. Дорси утверждала, что во время немецкой оккупации Парижа Шанель имела связь с бароном Гансом Гюнтером фон Динклагге — “опасным агентом немецкой разведки, а также, вполне возможно, агентом гестапо”.

Шанель — французский эталон хорошего вкуса — в постели с нацистским шпионом, а то и с ненавистным гестаповцем? Французы, а тем паче французские евреи, прошедшие через тяготы борьбы в рядах Сопротивления и ужасы немецких концентрационных лагерей, считали всех коллаборационистов отбросами, достойными безграничного презрения. Не секрет, что в кругах парижской высокой моды годами ходили слухи о том, что во время оккупации Шанель сожительствовала с неким любовником из Германии по прозвищу Шпатц — “Воробей” по-немецки — в шикарном отеле “Риц”, куда также съезжались потешить себя швейцарским качеством обслуживания нацистские бонзы вроде Германа Геринга или Йозефа Геббельса. Но гестапо? Разве не Шанель одевала мадам Помпиду? Разве не ее чествовали в Елисейском дворце? Как могла икона французского общества пустить к себе в постель “немецкого шпиона”? В это просто невозможно было поверить. Даже несмотря на то, что десятки тысяч других “сотрудничавших” французов и француженок, в свое время добровольно деливших с немецкими офицерами все — вплоть до постели, — так и остались безнаказанными. К 1972 году позор их предательства все еще не был смыт до конца. Любовная связь Шанель длилась более десяти лет, и этот факт даже побудил одного из обозревателей задаться вопросом: а в самом ли деле она “придавала большое значение политике, или, быть может, ей просто хотелось любить и быть любимой, и не важно, кто что исповедует”?

Трудно было представить худший момент для переноса национальных чествований Шанель. Вдобавок ко всему, американский издатель Альфред А. Кнопф опубликовал книгу историка Роберта О. Пэкстона “Вишистская Франция: старая гвардия и новый порядок 1940–1944 гг.”. Этот труд, посвященный вишистскому режиму

маршала Филиппа Петена, затмил абсолютно все французские исторические работы на ту же тему, к крайней досаде и разочарованию их авторов, которые были биты на собственном поле. Опираясь исключительно на материалы немецких архивов — ведь правительство Франции закрыло доступ к архивам вишистским, — Пэкстон в своей книге доказывал, что сотрудничество Петена с некоторыми представителями когорты убежденных нацистов из высших эшелонов носило скорее добровольный, нежели принудительный характер.

Учитывая предстоящие уже в следующем году выборы и в условиях, когда представителям Дома Шанель то и дело приходилось отбиваться от сыпавшихся в адрес его основательницы обвинений в связях с гестапо, правительству Помпиду не оставалось ничего другого, кроме как отложить организацию торжеств в честь Шанель в долгий ящик. В то же самое время Пьер Галант готовился опубликовать в Париже и Нью-Йорке новую биографию Шанель, которая грозила раскрыть новые нелцеприятные подробности ее сотрудничества с нацистами. Как утверждал автор, в прошлом боец Сопротивления, а теперь — муж английской актрисы Оливии де Хэвилленд, все сенсационные сведения ему удалось добыть в архивах французской контрразведки.

Книгу еще не успели сдать в печать, а о ней уже говорил весь Париж. Узнав о готовящейся публикации, лауреатка Гонкуровской премии Эдмонда Шарль-Ру была вне себя. Она объявила изложенные Галантом факты чепухой: “[Динклагэ] не имел никакого отношения к гестапо”. Шпатца и Шанель, настаивала она, не связывало ничего, кроме любви и дружбы (сама мадам Шарль-Ру как раз тоже работала над биографией Шанель и определенно не имела доступа к источникам Галанта).

По мнению автора более ранней биографии Шанель Марселя Эдриха, Шпатц был обычным бонвиваном, “большим охотником до вкусной еды, хорошего вина, сигар и красивой одежды... благодаря Шанель он мог ни в чем себе не отказывать... он дожидался ее в салоне... целовал ей ручку и мурлыкал “как нам сегодня спалось?”... а тот факт, что между собой они общались по-английски, давал ей право заявлять: “Никакой он не немец — его мать была англичанкой”.

Когда в сентябре 1972 года корреспондентка *Women's Wear Daily* — нью-йоркской газеты о женской моде — спросила у Шарль-Ру: “Правда ли, что Шанель — величайшая из всех кутюрье Парижа — на самом деле была агентом гестапо?”, писательница ответила так: “[Динклагге] не работал в гестапо. Он был связан полномочиями [в Париже] и участвовал в передаче некоторых сведений. Да, у него была грязная работа. Но нужно помнить о том, что тогда шла война, а его, к несчастью, угораздило родиться немцем”. Лишь годы спустя Шарль-Ру узнала, что Шанель вместе с адвокатом Рене де Шамбрюном подтасовывали факты, чтобы ввести ее в заблуждение.

Освобождение Парижа началось в августе 1944 года с кровавых уличных боев между немецкими войсками и отрядами грязных, оборванных бойцов Французских внутренних сил (FFI) — нерегулярных подразделений генерала Шарля де Голля (Шанель презрительно называла их “фифи”). С ними плечом к плечу сражались коммунисты — Франтирёры и партизаны (FTP), а также офицеры полиции в штатском. Некоторые из бойцов Сопротивления имели в своем распоряжении только легкое полицейское оружие, другие были вооружены старыми револьверами и винтовками времен Первой мировой, кто-то успел запастись коктейлями Молотова и трофейным оружием,

снятым с мертвых бошей. Нередко в рядах уличных бойцов встречались студенты в простых сандалиях и с закатанными на худых руках рукавами. Единственной формой им служили наручные повязки со знаком французской полиции или аббревиатурами FFI или FTP.

В последние недели августа на помощь восставшим подоспели экипированные американским оружием бойцы армии “Свободной Франции” под командованием генерала Леклерка (военный псевдоним Филиппа де Отклока), после чего немецкий гарнизон сложил оружие. Наконец-то Париж был освобожден, спустя четыре года подчас жестокой оккупации. Все ужасы арестов, пыток и концентрационных лагерей остались в прошлом. По всему городу радостно звонили колокола, гудели клаксоны, люди танцевали прямо на улицах. Теперь вся Франция, за исключением Эльзаса, Лотарингии и еще нескольких областей, была в руках солдат “Свободной Франции” генерала де Голля.

В последние дни августа народом овладела жажда мести. Давали о себе знать четыре года скрытого страха, стыда, притеснений и унижений. Разгневанная толпа разлилась по улицам и площадям французских городов. Жертвами сведения личных счетов без разбору становились виновные и невинные. Повсюду избивали и убивали подозреваемых в коллаборационизме с нацистами. По улицам с позором гнали “горизонтальных коллаборационисток” — женщин и девушек, спавших с оккупантами. Некоторых из них клеймили свастикой, других обривали налысо. “Коллабов” из числа гражданских — даже врачей, лечивших бошей, — расстреливали без суда и следствия. Кому-то из “изменников родины” посчастливилось попасть за решетку, где они могли дожидаться суда, не опасаясь за свою жизнь. В конечном итоге

органам временного правительства при поддержке солдат генерала де Голля удалось положить конец этой кровавой междоусобице.

Имя Шанель — модного кумира XX века — тоже значилось в черном списке мести. Сами французы называли творившийся по всей стране самосуд *épuration* — очищением, искуплением израненной Франции в память о многочисленных жертвах нацистской оккупации.

Не прошло и нескольких дней с момента, когда Париж покинул последний немецкий солдат, а Шанель уже вовсю раздавала флаконы *Chanel N° 5* солдатам американским. Потом “фифи” арестовали и ее. Рассвирепевшие студенты притащили ее на допрос в штаб FFI.

Однако в дело через британского посла при временном правительстве де Голля Даффа Купера вмешался сам Уинстон Черчилль; несколько часов — и она снова была на свободе. Спустя несколько дней она бежала в швейцарскую Лозанну, где к ней присоединился Динклаг, который в свои сорок восемь все еще был очень привлекателен. Самой Шанель шел шестьдесят второй год.

Правительство де Голля не замедлило издать указ ведомствам министерства юстиции об организации специальных комиссий по расследованию дел о сотрудничестве с нацистским режимом (уголовная статья по нормам французского законодательства). Первыми судили главу вишистской республики Филиппа Петена и его премьер-министра Пьера Лавалья. Обоих признали виновными и приговорили к высшей мере. Петена де Голль пощадил из-за его преклонного возраста, но Лаваль был расстрелян.

Всего за период послевоенного “очищения” через армейское и гражданское судебные ведомства прошли 160 287 подобных дел. В результате к смерти были приговорены 7037 человек, однако из них были действительно

расстреляны всего около 1500. Для остальных высшую меру заменили тюремным заключением.

С момента Освобождения минуло уже почти два года, а французский суд только выпустил “срочный” ордер на выдачу Шанель властям Франции. 16 апреля 1946 года судья Роже Серр приказал полиции и пограничной службе доставить ее в Париж для допроса. Через месяц он инициировал расследование ее деятельности во время войны. Однако внимание Серра к Шанель привлекла отнюдь не ее связь с Динкляге. Скорее его заинтересовала возможная связь Шанель с немецкой военной разведкой, а главное — с предателем Франции бароном Луи де Вофреланом. По данным французской полиции, во время войны барон не только приворовывал государственные средства, но и являлся немецким шпионом, которому, если верить абверовской картотеке, был присвоен статус *V-Mann*, что на языке сокращений гестапо и других германских разведслужб означало “доверенный агент”.

Серр, в свои сорок восемь имея за плечами более чем двадцатилетний опыт судебной работы, допрашивал Вофрелана долгие месяцы. Кроме того, от офицеров французской разведки ему стало известно об имевшем место сотрудничестве Вофрелана и Шанель с немецкими военными. Постепенно, шаг за шагом, дотошный следователь докапывался до подробностей и обстоятельств вербовки Шанель немецкой разведслужбой и ее последующего сотрудничества с Вофреланом — в частности, их совместных поездок в Мадрид в 1941 году по заданию абвера.

В ходе допроса и дачи свидетельских показаний Шанель настаивала на том, что все истории Вофрелана были чистой воды “фантазиями”. Однако данные судебных и полицейских протоколов свидетельствуют об обрат-

ном: в то время как летом 1941 года бойцы Сопротивления сражались с немцами, Шанель добровольно согласилась работать на абвер в качестве агента. В скрупулезном пятидесятистраничном отчете буквально по минутам расписывается, каким образом лейтенант Герман Нибур (он же доктор Анри Нойбауэр — немецкий агент) сначала завербовал Шанель и барона Луи де Вофрелана Пискатори (в дальнейшем — агента F-7117), а затем летом 1941 года отправил их в Испанию для выполнения шпионской миссии. Задачей Вофрелана было находить людей, готовых за деньги или же под соответствующим давлением шпионить в пользу нацистской Германии. В свою очередь Шанель, которая лично знала британского посла в Испании сэра Сэмюэля Хора благодаря своим связям с герцогом Вестминстерским Хью Гросвенором, должна была обеспечивать Вофрелану прикрытие.

Вряд ли судья Серр имел представление о действительных масштабах и глубине сотрудничества Шанель с нацистскими властями. Маловероятно, что к нему в руки могли попасть датированные 1944 годом отчеты британской разведки с показаниями абверовского агента-перебежчика графа Йозефа фон Ледебур-Вихельна. Из показаний Ледебура следует, что в 1943 году Шанель вместе с бароном фон Динклагге ездила в разбомбленный Берлин и предлагала свою помощь в качестве агента и посредника рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру. Кроме того, если верить Ледебуру, после визита в Берлин Шанель предприняла повторную поездку в Мадрид по заданию эсэсовского генерала Вальтера Шелленберга, который возглавлял разведывательную службу в ведомстве Гиммлера. Серр и предположить не мог, что Динклагге состоял на службе в немецкой разведке с самого конца Первой мировой войны и проходил в абвере под кодовым номером F-8680.

Пролог

Скорее всего, судья Серр также не мог знать правду о тесном сотрудничестве Шанель с нацистами в период оккупации Парижа в качестве агента, состоявшего на содержании у ведомства Вальтера Шелленберга. Равно как не знал он и о том, что Динкляге работал на абвер и гестапо во Франции и Швейцарии как до войны, так и позднее — в оккупированном немцами Париже.

Глава 1

МЕТАМОРФОЗА: ГАБРИЭЛЬ СТАНОВИТСЯ КОКО

*Если вам случилось родиться без крыльев, не нужно мешать им пробиваться...
Всегда вставайте пораньше и усердно
трудитесь. Это не больно: ваш ум бу-
дет все время занят, а тело активно...*

КОКО ШАНЕЛЬ

Габриэль Шанель, будущее воплощение французского шика, родилась в богадельне в Пэи-де-ла-Луар знойным августовским вечером 1883 года. Крайняя нищета вынудила ее родителей, крестьян, живших на опушке каштановой рощи в предгорьях Севенн, податься в коробейники. В свидетельстве о рождении ее записали как “Шаснель”. Вполне возможно, что это описка служащего, однако, вероятнее всего, таким было старое написание ее фамилии, которое позднее поменяли на более благозвучное (впоследствии эта исчезнувшая “с” вызовет изрядную путаницу в полицейских документах).

Ее мать, Жанна Деволь, после рождения Шанель развелась с первым мужем, чтобы через несколько

лет связать себя узами брака с отцом девочки Альбером Шанелем. На протяжении двенадцати лет, вплоть до смерти Жанны, семейство Шанель с детьми — тремя дочерьми, Джулией-Бертой, Габриэль и Антуанеттой, и двумя сыновьями, Альфонсом и Люсьеном, — жило где придется и колесило в повозке, груженной товаром, с рынка на рынок.

Когда в 1895 году Жанна умерла в возрасте тридцати трех лет, Альбер отправил сыновей наемными рабочими на ферму, а двенадцатилетнюю Габриэль вместе с сестрами — в окрестности Корреза, что в центральной Франции. Здесь, в церковном приюте, основанном Этьеном д'Обазином в двенадцатом веке, девочки прислуживали монахиням.

Многие годы спустя, вспоминая о тяжелой жизни в приюте, Шанель напишет: “С самого раннего детства я была убеждена, что у меня отняли все и что я фактически мертва. Я знала это в свои двенадцать лет. В жизни случается, что умираешь не раз”.

Никто из биографов Шанель не писал о том, как двенадцатилетней девочке жилось в приюте. В разговорах она никогда не вспоминала о служении в монастыре и годах, проведенных под гнетом католической дисциплины, — годах изнурительного труда и лишений. В то время католическая доктрина делала особый упор на кару за грехи и их искупление. Хорошо известно также, что на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков католические учреждения наставляли своих адептов в ненависти и презрении к евреям, и в этом отношении приют д'Обазина не был исключением.

Не стала исключением и его воспитанница Шанель, от которой позднее нередко можно было услышать антисемитские высказывания. Известный французский писатель и главный редактор модного журнала *Marie Claire* Марсель Эдрих вспоминал о разговоре с Шанель по поводу своей свежееизданной книги “И сотворил Моисей Господа”. Шанель спросила Гейдриха: “Почему Моисей? Кому сейчас интересны все эти истории древности? Или вы надеетесь, что они понравятся евреям? Евреи не станут покупать вашу книгу!” Когда же разговор коснулся модных бутиков, появившихся в Париже один за другим как грибы, Шанель заявила: “Единственные, кого я боюсь, — так это евреи и китайцы; в первую очередь — евреи”. Как отмечает Эдрих, “Шанель не просто дурно отзывалась о евреях — ее антисемитизм был неистовым, старомодным и подчас выходил за все мыслимые рамки приличия”. Будучи человеком своей эпохи, она, как и многие другие, придерживалась заученной догмы: кто, как не евреи, распял Иисуса?

Христианская догматика веками настаивала на том, что именно евреи убили Христа. Начиная со Средних веков, в Европе было принято считать, что “евреи не к добру”. Для них было закрыто большинство профессий, их не принимали в гильдии и торговые корпорации. Во времена Шекспира евреев изгнали из Англии как людей низшего сорта. Единственным достойным еврея занятием считался сбор налогов, что, в свою очередь, никак не способствовало проявлению теплых чувств со стороны бед-

ных крестьянских семейств, подобных семейству самой Шанель. Чуть позднее нацисты, а вместе с ними и гораздо менее фанатично настроенные европейцы искренне поверили в реальность иудео-большевистского заговора и винили евреев в том, что те, по их мнению, собственно, и придумали большевизм.

Когда Габриэль исполнилось восемнадцать, ее поместили в католический пансион для девиц в Мулене. В то время во Франции еще вовсю шли дебаты по поводу скандального дела Дрейфуса, почти на десять лет расколовшего общественное мнение. Нашумевшая история началась в 1894 году с ареста Альфреда Дрейфуса — молодого французского капитана артиллерии эльзасско-еврейского происхождения, которого судили по ложному обвинению в государственной измене. Осужденного Дрейфуса отправили на каторжные работы на Чертов остров во Французской Гвиане, однако впоследствии его дело пересмотрели, и в конечном итоге в 1906 году он был оправдан. Дрейфуса восстановили в чине майора, и он с честью служил в рядах французской армии во время Первой мировой войны, после чего вышел в отставку в 1919 году в чине подполковника.

Дело Дрейфуса распалило и обнажило антисемитские страсти, подогреваемые католической церковью и ее союзниками — монархистами и националистами. Девичьи годы Шанель в приюте, а затем в пансионе также пришлись на время “разгара антисемитизма” в католических кругах Мулена. Популярная в то время ежедневная прокатолическая газета

La Croix (“Крест”) буквально ополчилась на евреев. Типичным выразителем тогдашней церковной позиции был священник отец дю Лак, который своими речами вдохновлял Эдуара Дрюмона — публициста антисемитского толка, автора *La France juive* (“Еврейской Франции”), также известного своим лозунгом “Франция для французов”. Эхо этой идеи и по сей день отдается во французской политике, в особенности в кампаниях Жан-Мари Ле Пена и его дочери Марин, которая теперь возглавляет влиятельный ультраправый Национальный фронт.

Шанель не могла не испытать на себе влияния пропагандистской кампании католической церкви против офицера Дрейфуса. Позднее сила ее страха перед евреями и ненависти к ним поражала и коробила даже тех, кто и сам был не чужд более мягких форм антисемитизма.

В двадцать лет Габриэль отправили работать швейей. В свободное время она пела в кафе, которое посещали по большей части офицеры-кавалеристы. Здесь она и стала “Коко” — так называлась одна из песенок, которую она исполняла, хотя не исключено, что прозвище это получилось от сокращенного французского *cocotte* — кокотки или, иными словами, содержанки.

Ее жгучие черные глаза, необычная внешность и миниатюрная, почти детская, точеная фигурка покорили сердце богатого кавалерийского офицера в отставке Этьена Бальзана. Шанель оставила нитки

и иголки, кафешное кокетство и жизнь, обреченную на вечную рутину. В двадцать три она стала любовницей Бальзана и поселилась в его замке при конном подворье близ Компьена, что в семидесяти пяти километрах от Парижа. Среди густых компьенских лесов, испещренных прудами, болотами и вересковыми пустошами, Шанель вместе со своим любовником и его друзьями каталась верхом на лошадях из конюшни Бальзана по некогда королевским охотничьим тропам.

Бальзан, родом из богатой семьи текстильных промышленников, шивших форму для французской армии, уделял Шанель много времени, благодаря чему она быстро освоила технику верховой езды, причем как в женском, так и в мужском седле. Он также научил ее управлять конюшнями. На фотографиях видна безупречная посадка Шанель в седле. На одном из снимков она с заплетенными под шляпой-котелком волосами горделиво и уверенно восседает на прекрасном гнедом охотничьем скакуне. Любовь к лошадям и умение кататься верхом пригодятся ей многими годами позже, когда она будет охотиться с герцогом Вестминстерским Хью Гросвенором по прозвищу Бендор и его друзьями, в том числе с Уинстоном Черчиллем и его сыном Рэндольфом.

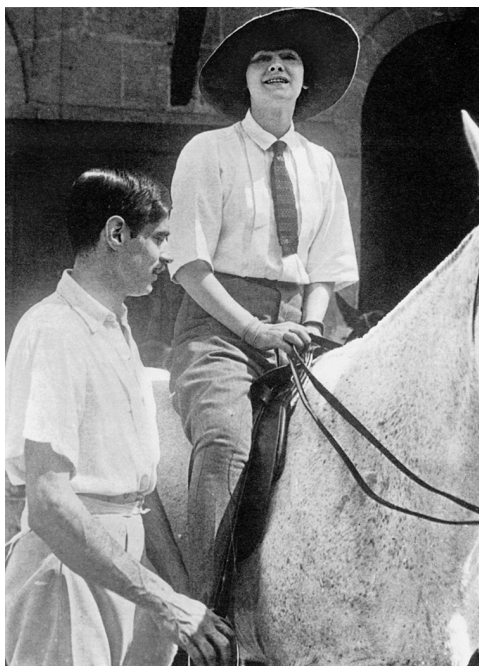
Жизнь Шанель переменилась буквально за несколько месяцев. Достаточно взглянуть на ее снимки того времени: Шанель верхом; в объятиях эlegantного Леона де Лаборда и ловящая на себе взгляд

Притворная сцена ревности. Слева направо: Бой Кэйпел в атласном кимоно замахивается на Леона де Лаборда, который закрывает от него сонную Шанель в халате (1908 г.).

Этьена Бальзана; с одетым в шелковое кимоно Артуром Кэйпелом (вскоре они станут любовниками), который в шутку замахивается увесистой тростью на Лаборда в пижаме, а тот как бы защищает Шанель от нападения ревнивца. На другом снимке Шанель похожа на маленькую девочку, только что из постели. Пряди черных как уголь волос спадают ей на плечи и рассыпаются по складкам белого халата. А вот она тем же летом 1912 года в тонкой пижаме за завтраком. С ней за столом Кэйпел, Лаборд, Габриэль Дорзиа, Бальзан, Люсьен Энро и Жанна Лери.

В 1908 году Шанель влюбилась в Артура Кэйпела — друга и товарища Бальзана по охотничьим

Артур “Бой” Кэйпел. Рядом с ним Шанель
верхом на лошади. Снимок сделан в замке
Бальзана Шато-Руайо в Компьенском лесу.
В 1908 году у них начнется роман, который
продлится 11 лет.

выездам. Друзья называли его “Бой”. Он был красив, богат, горяч и принадлежал к английской аристократии. В том же 1908 году Бой устроил Шанель на квартире в Париже и помог ей открыть салон дамских шляпок. Пусть Бальзан потерял любовницу — их у него всегда было немало, — зато их дружба с Шанель продолжалась всю жизнь.